

Title	
Author(s)	
Citation	Acta Slavica Iaponica, 34, 69-93
Issue Date	2014
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/56933
Type	bulletin (article)
File Information	ASI34_004.pdf

[Instructions for use](#)

От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И.И. Гапановича¹

Михаил Ковалев

Имя историка и этнографа Ивана Ивановича Гапановича (1891–1983) сегодня не слишком хорошо известно и в России, где он родился, получил образование, начал научную карьеру, и за рубежом, где он прожил большую часть своей жизни. В отличие от своих именитых коллег—историков Георгия Владимировича Вернадского, Александра Александровича Кизеветтера, Павла Николаевича Милюкова, Евгения Францевича Шмурло и других—ему не слишком повезло. На волне глубокого интереса к прошлому русской эмиграции, фигура И.И. Гапановича осталась мало замеченной.² Правда на это есть и объективные причины: о жизни ученого известно немного, нет сведений о его личном архиве, его работы рассыпаны по библиотекам разных стран и давно стали библиографической редкостью. Между тем при жизни он пользовался большим уважением своих коллег и считался авторитетным специалистом сразу в нескольких областях исторической и этнографической науки.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проекты №13-41-93017к и 13-31-01251а2.

- 1 Мне бы хотелось выразить огромную признательность приемной дочери И.И. Гапановича, известному австралийскому ученому Светлане Римской-Корсаковой-Дайер (Svetlana Rimsky-Korsakoff Dyer) за предоставленную ей информацию и интерес к моим работам. Я сердечно благодарю Виталия Волошина и Ольгу Червову за помощь в подборе материалов для статьи в английских библиотеках, а также Владу Ершову, способствовавшую моему пребыванию в Санкт-Петербурге во время поисковых работ, и дарившую мне столько радости и положительных эмоций. Без их дружеской поддержки статья никогда не могла бы быть написана.
- 2 Во многих работах нет даже точного указания на дату смерти ученого. Так в квалифицированном справочнике Патриции Полански указано, что историк скончался в 1979 г., что является неверным. См.: *Полански П.* Русская печать в Китае, Японии и Корее. М., 2002. С. 64. Во многих обстоятельных исследованиях о русской эмиграции в Китае имя И.И. Гапановича либо вообще не упоминается (*Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003; *Говердовская А.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М., 2004; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008; *Ван Чжицэн.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008), либо о нем говорится вскользь (*Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М., 2007. С. 208). Специальных биографических работ об ученом немного: *Хисамутдинов А.А.* Иван Гапанович—исследователь Северо-Востока России // *Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион.* 2000. № 1. С. 140–145; *Решетов А.М.* Иван Иванович Гапанович—страницы биографии русского ученого энциклопедиста // *Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея.* Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 34–43.

УЧЕБА, ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Будущий ученый родился 8 (21) июля 1891 г. в Санкт-Петербурге в семье мелкого чиновника. Его отец, Иван Иванович Гапанович-старший, был выходцем из Литвы и католиком по вероисповеданию. Начав в феврале 1891 г. службу околоточным надзирателем, «с допущением к исправлению должности письмовыводителя по паспортной части участкового управления», к 1906 г. он достиг поста столоначальника Санкт-Петербургского полицейского губернского управления и чина коллежского секретаря.³ Свои обязанности он нес исправно, о чем свидетельствовало награждение серебряной медалью на Александровской ленте в память Александра III (1897), японским Орденом Священного сокровища VII степени (1902), персидским Орденом Льва и Солнца V степени (1905) и прусской медалью Ордена Красного орла (1905).⁴ В браке с Верой Федоровной Гапанович, урожденной Федоровой, у него, помимо старшего сына Ивана, родились еще двое детей—Евгения (1893) и Василий (1898).⁵

И.И. Гапанович с детских и юношеских лет проявлял глубокий интерес к истории. В ученические годы он с упоением зачитывался книгами Вальтера Скотта, проштудировал курс лекций Василия Осиповича Ключевского, познакомился с популярными тогда книгами для чтения по истории. Эти юношеские увлечения и предопределили выбор будущей профессии.

В 1901–1909 гг. И.И. Гапанович обучался в престижной Восьмой Петербургской гимназии, выпускниками которой в разные годы были востоковед Василий Владимирович Бартольд, поэт Михаил Алексеевич Кузмин, писатель Михаил Михайлович Зощенко. Окончив ее в мае 1909 г. в золотой медалью, он подал прошение о зачислении на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.⁶ В то время факультет обладал блестящими научно-педагогическими кадрами. Достаточно сказать, что молодому студенту довелось посещать лекции Д.В. Айналова («История искусств»), А.А. Васильева («История Византии»), И.М. Гревса («История Средних веков»), Н.И. Кареева («История Нового времени»), Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского («Психология»), А.И. Малеина («Латинский язык»), С.Ф. Платонова («Русская история»), М.И. Ростовцева («Римское государственное право»), Е.В. Тарле, Б.А. Тураева («История

3 Формулярный список о службе столоначальника Санкт-Петербургского уездного полицейского управления Санкт-Петербургской губернии, коллежского секретаря И. Гапановича, 15 ноября 1906 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее—ЦГИА СПб.), ф. 14, оп. 3, д. 54547, л. 30 об.–31 об.

4 Там же.

5 Там же, л. 31. К сожалению, о судьбе этих детей ничего неизвестно.

6 Прощение И.И. Гапановича о зачислении в студенты от 28 июля 1909 г. // Там же, л. 5.

Древнего Востока»), Н.В. Ястребова («История славян») и др.⁷ Под руководством профессора Дмитрия Константиновича Петрова он изучал испанский язык, знание которого, как окажется впоследствии, пригодится ему через два десятилетия.⁸ По признанию самого И.И. Гапановича, выбор был не случайным, ибо в петербургском обществе наблюдался большой интерес к испанской культуре: «В так называемом Старинном театре ставились пьесы Лопе де Вега и Кальдерона, были популярны современные испанские музыканты, студенты любили смотреть в Эрмитаже картины Веласкеса и Мурильо, широкая публика читала романы поздних испанских писателей-реалистов».⁹

Но наибольшее влияние на И.И. Гапановича оказали занятия у знаменитого Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. Его лекции по методологии истории, несмотря на их сложность, произвели большое впечатление на молодого студента. Он увлекся проблемами теории и методологии истории и историографии и пронес этот интерес через всю жизнь. Много десятилетий спустя, уже на склоне лет, И.И. Гапанович благодарно вспоминал:

«Талант нашего профессора, как педагога, проявился в его семинаре. Этот семинар стоял на высоком уровне и, видимо, интересовал студентов потому, что в нем участвовали не только наши историки, но также студенты-философы и экономисты, даже бывали люди, уже кончившие университет. <...> Истинное отношение к ученикам проявилось в его семинаре по теории истории, где он вел себя не как профессор, а как руководитель, всегда любезный и доброжелательный, готовый прийти на помощь участнику семинара; свои замечания он делал спокойно и серьезно».¹⁰

И.И. Гапанович считал, что идеи А.С. Лаппо-Данилевского во многом опережали развитие российской науки начала XX в., но так и не были должным образом оценены современниками.

Помимо изучения истории и иностранных языков, И.И. Гапановича интересовали общественные науки, не преподававшиеся студентам его факультета, — политическая экономия, теория права и другие. И увлекли они его настолько, что осенью 1912 г. он обратился в Министерство народного просвещения с просьбой разрешить посещать занятия на юридическом факультете.¹¹ Прошение было удовлетворено, и с ноября 1912

7 Запись студента Императорского Санкт-Петербургского университета, историко-филологического факультета, исторического отделения. 12 августа 1909 г. // Там же, л. 52–60; *Гапанович И.И.* Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1909–1914 гг. // *Melbourne Slavonic Studies*. 1970. № 4. С. 69–71.

8 Там же. С. 72–73.

9 Там же. С. 73.

10 См.: *Гапанович И.И.* А.С. Лаппо-Данилевский // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1977. Кн. 129. С. 69–70.

11 Письмо из Департамента Народного просвещения от 15 ноября 1912 г. // ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 54547, л. 3; *Жерняков В.Н.* Иван Иванович Гапанович. Melbourne, 1971. С. 2.

г. по весну 1914 г. И.И. Гапанович слушал лекции М.А. Дьяконова («История русского права»), Л.И. Петражицкого («Энциклопедия права»), М.А. Рейснера («История политических учений»), М.И. Туган-Барановского («Политическая экономия») и других видных ученых.¹² Но завершить получение юридического образования он не сумел, ибо в его жизнь, как и в жизнь других россиян, ворвалась Первая мировая война.

В 1914 г. на волне патриотического подъема И.И. Гапанович вступил в армию и вскоре, после окончания ускоренных военных курсов в Ораниенбауме, был произведен в офицеры.¹³ Весной 1915 г. он был направлен в Польшу, где стал свидетелем катастрофического отступления русской армии. В начале 1916 г. молодой офицер был переведен в Свеаборг, однако уже весной оказался на юге России. И.И. Гапанович стал участником Брусиловского прорыва и был произведен в ротные командиры. В августе 1916 г. девятая армия, в которой сражался И.И. Гапанович, вступила в Румынию. Во время боев он героически проявил себя, за что был удостоен военных наград.

На Румынском фронте И.И. Гапанович встретил Февральскую революцию. Он стал членом армейского комитета и в этом качестве присутствовал на военных совещаниях в Петрограде и Могилеве, проходивших при участии Н.Н. Духонина и Л.Г. Корнилова.¹⁴ В декабре 1917 г. на Румынском фронте было подписано перемирие, и армия была демобилизована. В конце 1917 г. И.И. Гапанович вернулся в родной Петроград, но уже в 1918 г. уехал из голодного города на Дальний Восток, где в то время еще не утвердилась власть большевиков. Впрочем, мотивы этого переезда еще нуждаются в прояснении и осмыслении.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

И.И. Гапанович поселился на Камчатке и активно включился в общественную жизнь, чему, вероятно, способствовали бурные политические события, в том числе провозглашение в 1920 г. Дальневосточной республики. По его собственным словам, в тот момент он разделял веру «в возможность “третьего пути” для русской революции», и пытался внести в его осуществление свой посильный вклад.¹⁵ В 1920 г. камчатская администрация поручила ему во время поездок по полуострову информировать местное население о ситуации на материке, принимать жалобы, доставлять продовольственные товары. А.М. Решетов предполагал, что именно

12 Запись студента Императорского Санкт-Петербургского университета, юридического факультета с 1912 г. // ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 54547, л. 21–23.

13 *Гапанович И.И.* В революцию—на фронте (1914–1917) // *Новый журнал.* 1970. Кн. 101. С. 140.

14 Там же. С. 152.

15 *Гапанович И.И.* Революция на Севере: Охотско-Камчатский край в 1917–1922 гг. // *Новый журнал.* 1967. Кн. 89. С. 145.

во время этих служебных командировок начал формироваться интерес И.И. Гапановича к проблемам российского колониализма.¹⁶ В 1920 г. он был избран председателем Камчатского съезда, однако от предложения стать главой Областного комитета отказался. Тогда съезд принял решение направить его полномочным представителем во Владивосток.¹⁷

Летом 1921 г. он вернулся в Петропавловск, но встретил недружелюбный прием со стороны новых местных властей, которые мешали ему работать и даже подвергли двухнедельной осаде его дом. Осенью 1921 г. И.И. Гапанович вновь оказался во Владивостоке, где стал работать в Особом совещании по Охотско-Камчатскому краю. Он быстро вошел в местную интеллектуальную среду, его друзьями и знакомыми стали выдающийся путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев, этнограф Сергей Михайлович Широкогоров, антрополог Ефим Михайлович Чепурковский. И.И. Гапанович стал членом Владивостокского отдела Русского географического общества.¹⁸ Именно в этот период складывались его научные пристрастия, и было положено начало научной карьере. А.М. Решетов указывал, что И.И. Гапанович был зачислен в штат краевого исследовательского института и занялся подготовкой «коряцкого словаря».¹⁹

Еще на Камчатке, И.И. Гапанович обратился к этнографическим исследованиям. Во время путешествий по полуострову он основательно изучил быт и культуру местного населения и собрал богатейший этнографический материал, который лег в основу его первых научных работ. В 1924 г. появилась его первая научная публикация—статья о промысле оленя и оленьем хозяйстве на Камчатке.²⁰ Вскоре на страницах московского журнала «Северная Азия» увидела свет работа о коренном населении полуострова.²¹ Своеобразным итогом его изысканий стал очерк «Камчатка: природа, население, хозяйство» (Владивосток, 1926). Эти работы определили главную тему научных занятий И.И. Гапановича—история российской колонизации Северо-Восточной Евразии и Дальнего Востока. Обращение к ней было вполне объяснимым. Она привлекала ученого не только с теоретической, но и с чисто практической стороны. Соотнося опыт административной работы с исследовательскими интересами, И.И. Гапанович хотел разработать оптимальную модель колониационного освоения региона, в основе которой лежала бы идея рационального природопользования, осторожная трансформация быта

16 Решетов. Иван Иванович Гапанович. С. 36.

17 Гапанович. Революция на Севере. С. 141.

18 Решетов. Иван Иванович Гапанович. С. 37.

19 Там же.

20 Гапанович И.И. Промысел оленя и оленье хозяйство на Камчатке // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 6 (10). С. 69–79.

21 Гапанович И.И. Камчатское туземное население как культурно-экономический фактор // Северная Азия. М., 1925. Кн. 5–6. С. 40–52. См. также: Гапанович И.И. Местное население Камчатки, Северная Азия // Общественные науки. 1925. № 5. С. 40–52.

и хозяйственного уклада коренного населения, баланс индустриального и аграрного развития. Существовавшие на Дальнем Востоке колониционные практики И.И. Гапанович признавал малоэффективными и пытался предложить новые, основанные на четком научном анализе.

Живя в Приморье, И.И. Гапанович продолжил этнографические исследования. Известно, что он совершал научные поездки по региону с целью изучения хозяйственного быта негидальцев, тунгусов, гольдов. Летом 1925 г. он обследовал верховья Амгуни, бассейн реки Горюн и озеро Чукчагир. Из этого путешествия он вынес идею о необходимости государственной поддержки коренных народов путем обустройства школ, больниц, обучения огородничеству и обеспечения посевным материалом.²² Некоторые результаты своих исследований И.И. Гапанович изложил в докладе о тунгусах Южно-Охотского побережья на Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, состоявшейся в апреле 1926 г. в Хабаровске.²³ Если кратко подытожить суть его практических выводов, то они сводились к необходимости создания в бассейне рек Тугур и Немилен крупного промышленного поселения, из которого координировалась бы эксплуатация природных ресурсов района. Кроме того, оно снабжал бы всем необходимым тунгусов и вел среди них культурно-просветительскую работу.²⁴ Выступление ученого, несмотря на отдельные критические замечания со стороны географа Г.М. Мевзоса и этнографа А.Н. Липского, в целом получило благожелательный отклик, участники конференции признали необходимым использовать его предложения. В резолюции конференции прямо говорилось: «Ввиду большого значения, которое имеет поставленный доклад, вопрос об организации культурной базы для обслуживания тунгусов, и выявившихся в прениях по докладу различных мнений о целесообразности устройства этой базы в указанном месте—устье Тугура—просить докладчика связаться с Комитетом содействия народностям севера для проработки этого вопроса».²⁵ Однако идеям этим так и не суждено было воплотиться в жизнь.

Жизнь и научная работа И.И. Гапановича в Приморье протекала на фоне переломных для региона событий. В ноябре 1922 г. в Приморье вошла Красная Армия. Значительная часть населения надеялась, что трагический опыт «военного коммунизма» больше не повторится, тем более что введение НЭПа вселяло надежду на изменения. Верил в них и И.И. Гапанович. Параллельно с научной работой он сделал попытку за-

22 Гапанович И.И. Поездка на Чукчагирское озеро // Советское Приморье. 1925. № 12. С. 45.

23 Гапанович И.И. Тунгусы южно-Охотского побережья // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5: Человек. Хабаровск-Владивосток, 1927. С. 113–122.

24 Там же. С. 122.

25 VIII. К докладу И.И. Гапановича—«Тунгусы Южно-Охотского побережья» // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. С. 184.

няться предпринимательской деятельностью. Вместе с двумя коллегами зимой 1922 г. он организовал компанию для скупки золота на Нижнем Амуре.²⁶ Но предприятие оказалось недолговечным, и в 1925 г. прекратило существование.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ В КИТАЕ

Не видя возможности и дальше оставаться в СССР, И.И. Гапанович решил бежать из страны. При помощи контрабандистов он нелегально пересек границу и оказался в Китае. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1973 г. в нью-йоркском «Новом журнале», он не назвал конкретной даты.²⁷ В.Н. Жернаков полагал, что бегство ученого из СССР произошло в 1925 г.²⁸ Эту же дату вслед за ним называл А.М. Решетов.²⁹ Однако учитывая, что в апреле 1926 г. И.И. Гапанович выступал на конференции в Хабаровске, вышеназванные версии можно поставить под сомнение. Попробуем поискать ответ в мемуарах историка: «От долгого пути я устал, погода была очень жаркая, томила жажда, а попадавшаяся вода могла вызвать заболевание. Что и случилось. Но добрые знакомые, еще по Владивостоку, помогли мне справиться с болезнью и легализовали мое положение».³⁰ Упоминание жаркой погоды при учете климатических особенностей Приморья³¹ дает возможность предположить, что переход границы состоялся летом 1926 г. Впрочем, вопрос еще нуждается в прояснении.

После недолгого пребывания в Харбине, И.И. Гапанович перебрался в Шанхай, который манил его еще с первых лет жизни на Дальнем Востоке.³² При поддержке директора Французского муниципального колледжа Шарля Гробуа, которого современники называли «самым искренним другом русских эмигрантов в Шанхае»,³³ он получил должность преподавателя иностранных языков. Популярность колледжа, признанного самой посещаемой иностранной средней школой в городе, в русской эмигрантской среде обеспечивалась тем, что учебные программы во многом были схожи с дореволюционными аналогами. С русских учеников взималась небольшая плата, специально для них в практику преподавания были

26 Гапанович И.И. Амур–Шанхай–Филиппины–Пекин // Новый журнал. 1973. Кн. 111. С. 95.

27 Там же. С. 96–97.

28 Жернаков. Иван Иванович Гапанович. С. 3.

29 Решетов. Иван Иванович Гапанович. С. 37.

30 Гапанович. Амур–Шанхай–Филиппины–Пекин. С. 97.

31 Абсолютный температурный максимум во Владивостоке: май—29,5 °С (1951), июнь—31,8 °С (1946), июль—33,6 °С (1939), август—32,6 °С (1988).

32 Гапанович. Амур–Шанхай–Филиппины–Пекин. С. 97.

33 Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. С. 426.

введены курсы русского языка, русской истории, Закона Божьего.³⁴ Таким образом, И.И. Гапанович получил возможность работать со своими соотечественниками, найдя применение своим преподавательским и научным способностям. Словно наверстывая упущенное, он активно занялся исследовательской работой, результаты которой публиковал, в основном, в пражском журнале «Вольная Сибири» и харбинском «Вестнике Маньчжурии». В то же самое время И.И. Гапанович не прекращает полностью сотрудничества с коллегами, оставшимися в СССР. Так, А.М. Решетов обнаружил в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук письмо к Николаю Яковлевичу Марру от 12 апреля 1928 г., отразившее интерес И.И. Гапановича к принципам яфетидологии при изучении палеоазиатов.³⁵ Судя по тексту, оба ученых обменивались научными публикациями и следили за исследованиями друг друга. Впрочем, для русской диаспоры и в Китае, и во многих других странах, подобное явление не выглядело уникальным. Степень взаимной изолированности ученых-эмигрантов и советских коллег не стоит слишком сильно преувеличивать, по крайней мере до конца 1920-х—начала 1930-х гг. Имя И.И. Гапановича, к примеру, фигурировало в справочнике об ученых СССР, изданном в 1928 г. в Ленинграде.³⁶

В 1926 г. И.И. Гапанович опубликовал в «Вестнике Маньчжурии» большой обзор о состоянии периодической печати в Северо-Восточном Китае. Редакция журнала сразу оговорила, что материал носит дискуссионный характер, и что со многими выводами автора она не согласна, но, тем не менее, считает его появление важным и интересным. И.И. Гапанович попытался обрисовать специфику маньчжурской прессы, в первую очередь той ее части, которая издавалась на русском языке. С первых строк видно, что отношение автора к Харбину и его жителям довольно ироничное. Город представляется ему «Клондайком», куда еще в конце XIX—начале XX вв. стали стекаться разного рода дельцы, стремившиеся разбогатеть быстро и любыми средствами.³⁷ После 1917 г. в Харбин хлынул поток беженцев, представлявших самые разные социальные слои, но объединенные стойким неприятием большевизма. По признанию автора, эти люди, выбитые из жизненной колеи, в погоне за куском хлеба и стабильностью готовы были забыть о бывших настроениях русской интеллигенции и о ее духовных запросах. Он писал о «моральном обнищании» русских эмигрантов, которые «легко отреклись от своего идейного прошлого, от традиций, которые напоминали о борьбе либерального русского общества с реакционным правительством дореволюционной

34 Там же.

35 Решетов. Иван Иванович Гапанович. С. 38.

36 Там же.

37 Гапанович И.И. Пресса Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1926. № 7. С. 148.

России, ибо эта борьба привела к “разорению родины, к обнищанию народа, вынужденного ныне гнить на чужбине в ужасных условиях нищеты и бесправия”». ³⁸ Эти настроения предопределили характер харбинской русскоязычной прессы, ориентированной на безоговорочную и безапелляционную критику Советской России. Самого И.И. Гапановича конечно же невозможно охарактеризовать как сторонника большевизма. Но для него столь же чужды были ультраконсервативные настроения, бытовавшие в среде русской диаспоры, чужд атаман Г.М. Семенов с присущим ему антисемитизмом и непримиримостью по отношению к своим критикам, чужд «разухабистый тон» многих харбинских изданий, в которых жесткие выпады против Советской России чередуются с криминальной хроникой, скандалами, сплетнями и пикантными историями, рассчитанными на непритязательный вкус обывательских кругов. В качестве примера И.И. Гапанович приводил газету «Рупор», распространявшую информацию о восстаниях в СССР: «В результате—все оказалось обычной ложью, но газета сделала свое дело: взбудоражила белую эмиграцию, которая уже начала складывать чемоданы, чтобы ехать на запад...». ³⁹ Большинство харбинских изданий, таких как «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Свет», он называл «бульварно-черносотенными листками», читателями которых являлись «беженские неудачники, не изжившие своей злобы на советскую власть». ⁴⁰ В то же время И.И. Гапанович явно симпатизировал социалистической и либеральной прессе, отмечая ее более высокий профессиональный уровень, и тепло отзывался о специализированной периодической печати—журналах «Вестник Азии», «Вестник железнодорожников», «Известия Общества изучения Маньчжурского края» и других. Сам И.И. Гапанович нигде прямо не обозначал своих общественно-политических взглядов, но его ироничное, острое описание харбинских правых кругов и их прессы, позволяет говорить о критическом отношении к консервативной части русской эмиграции, мечтавшей о скором свержении большевиков и восстановлении монархии. Поэтому закономерно, что возникновение и развитие в эмигрантской среде фашистских идей также не встретило симпатии историка. Впрочем, в отличие от немалого числа своих соотечественников, живших в Маньчжурии, он резко отметал и возможность получить советский паспорт: «Конечно, не для того я оставил родину и выбрался из Владивостока, чтобы искать советскую службу в другом месте». ⁴¹

Можно предположить, что специфика харбинской общественно-политической среды способствовала тому, что И.И. Гапанович почти сразу после эмиграции из СССР предпочел жить не в Маньчжурии, а в космо-

38 Там же. С. 149.

39 Там же. С. 150.

40 Там же. С. 151.

41 *Гапанович*. Амур–Шанхай–Филиппины–Пекин. С. 97.

политичном Шанхае, который, согласно беглым намекам в его воспоминаниях, казался более свободным и независимым. Там не чувствовалось влияние китайских властей, а «господа положения, англичане и французы, не требовали никаких разрешений на въезд».⁴²

На Филиппинских островах

С конца 1920-х гг. И.И. Гапановича все больше привлекало изучение феномена европейского колониализма и его влияния на развитие Азиатско-Тихоокеанского региона. Причем речь шла о сравнительном изучении колониальной политики России и других европейских стран. Богатейший исследовательский материал он нашел на Филиппинских островах, куда переехал из Шанхая в 1928 г. Здесь-то ему и пригодилось знание испанского языка, который он изучал еще в студенческие годы в Петербурге. Он вспоминал: «Я оказался в живом музее, где была представлена старая Испания, четыреста лет владевшая этими островами и оставившая в наследство жителям ... испанскую культуру и католическую церковь, отчасти нравы и язык».⁴³ Живя в Маниле, И.И. Гапанович вращался, главным образом, в среде русской эмигрантской общины. Правда он так и не смог найти подходящей работы, что вынудило его в 1930 г. вернуться в Шанхай. Но пребывание на Филиппинах не прошло даром. Его результатом стало появление работ об испанском колониализме и о китайской диаспоре на Филиппинских островах.⁴⁴

И.И. Гапанович попытался проанализировать глубокие изменения в жизни филиппинского общества, вызванные последствиями европейской колонизации. Следует принять во внимание, что после испанского господства, длившегося с середины XVI в. до 1898 г., Филиппины попали под власть США, и во время жизни там И.И. Гапановича они являлись зависимой американской территорией. Историк мог воочию наблюдать смену одного колониального порядка другим, сравнить между собой испанское и американское владычества и их последствия. Следует оговориться, что для самого И.И. Гапановича был важен взвешенный подход к истории колониализма. Он старался освещать самые разные его стороны, как положительные, так и отрицательные, не делить участников исторического процесса на палачей и жертв. Подобный подход был довольно не типичным для историографии того времени.

С точки зрения И.И. Гапановича, одним из главных последствий многовекового испанского господства стали глубокие социальные изменения, выдвинувшие слой метисов, которые в конечном итоге и сверг-

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 100-101.

⁴⁴ I. Gapanovich, "Spanish Legacy in the Philippines," *The China Journal* XII:1 (Shanghai, 1930), pp. 29-32, XII:2, pp. 91-95; Гапанович И.И. Китайцы на Филиппинах // Вестник Маньчжурии. 1929. № 6. С. 26-29.

ли колонизаторов. Однако после ухода испанцев метисы почувствовали себя привилегированной частью общества, стали противопоставлять себя коренному населению, особенно мусульманам на острове Минданао и язычникам на острове Лусон. Историк констатировал, что культурный антагонизм после падения испанского владычества лишь усилился, и только унификация, осуществляемая под американским влиянием, могла поддерживать национальное равновесие.⁴⁵ Но И.И. Гапанович не ставил своей задачей обвинение филиппинцев и задавался актуальным вопросом: «Может ли нация быть ответственной за такие ошибки, будучи управляема автократией на протяжении трех столетий, пусть даже занятая теперь в демократическом эксперименте, который продолжался лишь три десятилетия?»⁴⁶ Поэтому он с симпатией говорил о падении испанского владычества, ознаменовавшегося, по его мнению, произволом католической церкви, расовым угнетением и коррупцией, возведением насилия в норму. Одновременно он высоко оценивает деятельность американской администрации и филиппинского правительства по построению демократического общества. Будущее островов он видел в синтезе культурных начал, осознавая невозможность полностью преобразовать филиппинское сознание на европейский или американский манер, несмотря на все достижения новой образовательной системы.⁴⁷ Отсюда и его уважительное отношение к филиппинским традициям, национальным литературным и лингвистическим моделям, например к тагальскому языку, которому должно быть обеспечено приоритетное развитие. Историк верил, что ненависть к колонизаторам постепенно уйдет из филиппинского сознания, а жители острова приобретут беспристрастность, которая позволит им оценить важность западной культурной традиции.

В УНИВЕРСИТЕТЕ ЦИНЬ ХУА

В 1931 г., вскоре после возвращения с Филиппинских островов в Шанхай, И.И. Гапанович получил приглашение университета Цинь Хуа (Tsinghua; 清華大學) преподавать историю и переехал в окрестности Пекина. Университет считался одним из самых престижных учебных заведений Китая. Декан исторического факультета профессор Цзян Тинфу (Tsiang Tingfu, 蔣廷黻; 1895–1965), известный ученый и политический деятель,⁴⁸ предложил И.И. Гапановичу преподавать русскую историю, историю Греции и Рима, а также специальные исторические дисциплины. Условия жизни для преподавателей были превосходными: русский

45 I. Gapanovich, "Spanish Legacy," *The China Journal* XII:2, p. 91.

46 Ibid., p. 92.

47 Ibid., p. 94.

48 См. о нем: Каткова З. Д. Цзян Тинфу—ученый и дипломат // Общество и государство в Китае: XXI научная конференция. М., 2011. С. 181–185.

профессор быстро обзавелся собственным домом с огромной библиотекой, фортепиано, прислугой.

В 1935 г. И.И. Гапанович женился на русской медсестре из госпиталя в Тяньцзине, куда он попал, будучи больным. Людмила Всеволодовна Римская-Корсакова (урожденная Бейер) стала его спутницей на всю жизнь. Светлану, ее четырехлетнюю дочь от первого брака, профессор тут же усыновил и уже вскоре проявил себя как необычайно заботливый отец. Он занимался с ней русским языком, историей и литературой, читал ей русских классиков, особенно Л.Н. Толстого и А.П. Чехова.⁴⁹ Очевидно, характер и интересы приемного отца сильно повлияли на Светлану, и впоследствии она стала крупным ученым-этнологом.

Именно на конец 1920-х–1930-е гг. пришелся расцвет научной карьеры ученого. Он активно публиковал свои исследования в эмигрантской и китайской периодике. И.И. Гапанович продолжал интересоваться этнографией Дальнего Востока, для чего совершил путешествия во Внутреннюю Монголию, Западный Китай и на Шаньдунский полуостров. Среди исследований этого периода следует выделить работы о камчатских коряках, статьи о проблемах заселения американского континента, русской экспансии в Маньчжурии и Приамурье, этнографии тунгусов и негидальцев и др.⁵⁰

И.И. Гапанович всегда с большим вниманием следил за работами своих коллег, особенно за результатами полевых работ на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. При этом его вниманием не ограничивалось археологией и этнографией. Очевидно, что ученый осознавал необходимость междисциплинарного исследования древнейшей истории региона, опираясь на достижения гуманитарных, социальных и естественных наук. Так, значительный интерес И.И. Гапановича вызвали знаменитые экспедиции американского путешественника Роя Чепмена Эндрюса (Roy Chapman Andrews), заложившего основы комплексного изучения Монголии. Известно, что его исследовательская деятельность в 1920-х гг. ознаменовались крупными палеонтологическими открытиями, в том числе находками окаменелостей велоцираптора, овираптора, протоцератопса и других динозавров, включая окаменелые кладки их яиц, а также древнейших млекопитающих—индрикотерия и мастодонта. Другой важнейшей задачей экспедиции был поиск так называемого «недостающего звена», а

49 Letter from Svetlana Dyer, 28 Nov. 2008 // Личный архив М.В. Ковалева.

50 Гапанович И.И. Амгунские тунгусы и негидальцы и их будущность // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1927. № 8. С. 30–35, № 9. С. 43–46, № 11. С. 45–48; Он же. Основные вопросы этнографии камчатских коряков // Вольная Сибирь. 1928. Кн. III. С. 138–148; Он же. Этнологическая проблема Берингова пролива // Вольная Сибирь. 1929. Кн. VI–VII. С. 104–110; Он же. Камчатские коряки: Современное положение племени и значение его оленьего хозяйства. Тяньцзинь, 1932; I. Gapanovich, "Russian Expansion on the Amur," *The China Journal* XV:4 (1931), pp. 173–182 и др.

именно—древнейшего предка человека, переходного звена между человеком и обезьяной. Американские ученые Уильям Мэтью (William Diller Matthew) и Генри Осборн (Henry Osborn) полагали, что в Центральной Азии существовал центр происхождения и рассеивания новых видов позвоночных, что в суровых природных условиях региона в результате естественного отбора происходило возникновение выносливых и биологических продвинутых видов. Доказательство этих предположений как раз и решил взять на себя Р.Ч. Эндрюс.

Неизвестно был ли И.И. Гапанович лично знаком с известным американским ученым, неизвестно состоял ли он с ним в переписке. Однако еще в 1926 г. в журнале «Вестник Маньчжурии» он поместил небольшую по объему, но обстоятельную статью об экспедициях Р.Ч. Эндрюса. И.И. Гапанович дал содержательное описание ее палеонтологических итогов, но особое внимание обратил на этнологические результаты, которые напрямую соприкасались с его личными исследовательскими интересами и подтверждали его собственные взгляды: «Большая древность монгольских находок, сравнительно с аналогичными европейскими, позволяет предполагать о переселении первобытного человечества из Азии в Европу, где и развилась азийская культура. Вновь и основательно подтверждается, что Азия—мать континентов, родина человечества».⁵¹

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНЦА 1920-х–1930-х ГОДОВ

В своих работах И.И. Гапанович доказывал, что в местах обитания коренных народов Северо-восточной Азии «образовался этнический узел, в котором сплелись культурные влияния азиатского и американского материка».⁵² Таким образом, изучение материального быта, социальной организации и духовной культуры населения региона было связано с решением важных этнологических вопросов. Так И.И. Гапановича интересовала проблема заселения американского континента через Берингов пролив. Он был убежден, что корни цивилизаций ацтеков, инков, майя и других нужно искать в Азии: «Именно отсюда, с азиатского востока, вышла та раса, которая распространилась по всему американскому материка, и там ... создала очаги культуры, как будто не имеющей параллельного явления в Азии и нигде в мире».⁵³ В своих работах он исследовал культурно-этнический пласт Северо-Восточной Евразии и Северной Америки, этническое прошлое палеоазиатских народов, вытесненных на окраину евразийского материка. Палеолитический период представлял ему временем миграций, регулируемых климатическими условиями.

51 *Гапанович И.И.* Экспедиция Р. Эндрюса в Монголии // *Вестник Маньчжурии*. 1926. № 7. С. 24.

52 *Гапанович.* Основные вопросы. С. 138.

53 *Гапанович.* Этнологическая проблема. С. 104.

Аналогичные этнические процессы он увидел в Древней Европе, когда иберийцы, пеласги, этруски были вытеснены пришедшими на их земли греками, кельтами, римлянами. В своих работах И.И. Гапановича подчеркивал родственного евразийского и американского коренного населения, призывая подробнее изучать взаимодействие древних культур Евразии. Интересно, но в это же время проблемами этнической истории и этнологии вплотную занимался другой русский профессор университета Цинь Хуа—выдающийся этнолог С.М. Широкогоров, чьи работы получили широкий отклик во всем мире.⁵⁴ И.И. Гапанович характеризовал его как «человека очень правых взглядов в политике, но передового в науке», и очень ценил его исследования.⁵⁵

Помимо древней этнической истории Евразии в 1930-е гг. И.И. Гапанович по-прежнему изучал феномен российской колониальной политики в Азии. Он полагал, что русская и европейская экспансия развивались параллельно, «разница была только в объектах торговли—там искали золота, здесь пушнины, ценностей, вводивших их обладателей в оборот европейской торговли».⁵⁶ В его понимании, Сибирь и Дальний Восток являли собой классический пример эксплуатационных колоний. Однако он не был склонен ставить полный знак равенства между российскими и западноевропейскими колониальными практиками, признавая их специфику. Свидетельством интереса ученого к проблеме российского присутствия на Дальнем Востоке служит его монографическая статья «Китайско-русские отношения в Маньчжурии, 1892–1906».⁵⁷ Поводом к ее написанию послужило издание в 1928 г. книги выдающегося историка Бориса Александровича Романова о российской экспансии в Северо-Восточном Китае.⁵⁸ И.И. Гапанович высоко оценил исследование своего коллеги и поставил задачей донести его содержание до зарубежной аудитории. Но перед нами не просто реферативное изложение труда Б.А. Романова, а глубокое и вдумчивое рассуждение над его книгой и, в конечном счете, над проблемой русской экспансии на Дальнем Востоке. К сожалению, пока не удалось установить, был ли И.И. Гапанович знаком с Б.А. Романовым еще по Петербургу а, может находился с ним в переписке в 1920-е гг.

54 См.: *Ревуненкова Е.В., Решетов А.М.* Сергей Михайлович Широкогоров // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 3. С. 100–119.

55 *Гапанович*. Амур–Шанхай–Филиппины–Пекин. С. 104.

56 *Гапанович И.И.* Колониальная система на Севере // *Вольная Сибирь*. 1930. Кн. IX. С. 85.

57 J. J. Gapanovich, "Sino-Russian Relations in Manchuria, 1892–1906," *Chinese Social and Political Sciences Review* XVII (1933–1934), pp. 283–306, 457–479. Эта работа затем была издана в виде брошюры.

58 *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

В 1933–1934 гг. в Пекине И.И. Гапанович издал одну из главных своих работ—двухтомную монографию «Россия в Северо-Восточной Азии».⁵⁹ В этой книге ученый рассмотрел комплекс проблем, связанных с прошлым и настоящим колонизации региона и освоения его богатств. Он изучил традиционные камчатские и чукотские промыслы, оценил их современное положение и перспективы развития, состояние инфраструктуры, демографические проблемы. И.И. Гапанович довольно убедительно показал, что попытки колонизации региона нельзя признать эффективными, поскольку Северо-Восточная Евразия так и осталась для России типичной эксплуатационной колонией. Развитие края в будущем ученый связывал с горным делом, прежде всего с добычей золота, а также говорил о необходимости нефтеразведки.⁶⁰ Он делал упор на индустриальное развитие региона, что во многом роднило его идеи со взглядами Сергея Юльевича Витте на колонизационную политику России в Азии. Вместе с тем он предлагал перестроить сельское хозяйство путем рационализации оленеводства по примеру Аляски, наладить переработку оленьих мяса, молока, шкур.⁶¹ Эта идея была не нова и активно высказывалась И.И. Гапановичем с начала 1920-х гг. в его работах, лейтмотивом которых был призыв к выработке стратегии рационального природопользования и эффективного хозяйствования на Дальнем Востоке.⁶² По его убеждению, достичь баланса между экономикой и экологией можно лишь при внимательном отношении к традиционному хозяйственному укладу, образу жизни и традициям коренного населения. Советская власть, как считал И.И. Гапанович, не учитывала этих особенностей. Поэтому, к примеру, попытка обратить чукчей в оседлых жителей окончилась провалом, а коллективизация оленеводческих хозяйств коряков привела к сокращению численности стад наполовину. В одной из статей, написанной уже в конце 1950-х гг., историк справедливо заметил, что сложившийся с незапамятных времен уклад нельзя было изменить по приказу сверху, и что коренные жители

59 *Гапанович И.И.* Россия в Северо-восточной Азии. Т. 1: Колонизация Севера. Пекин, 1933; Т. 2: Богатства Севера. Пекин, 1934.

60 Там же. Т. 2. С. 106.

61 Там же. С. 41.

62 *Гапанович И.И.* Промысел китообразных и ластоногих на Дальнем Востоке // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток, 1923. С. 316–339; *Он же.* Промысел оленя и оленнее хозяйство на Камчатке и в Приморье // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 6; *Он же.* Значение оленеводства на Дальнем Востоке // Вестник Маньчжурии. 1926. № 11–12. С. 99–102. Развитию оленеводства И.И. Гапанович уделял приоритетное внимание. Он считал, что даже сами коренные народы не до конца понимают важности этого направления: «Оленеводный капитал, которым располагает Д[альний] В[осток], очень значителен, но это мертвый капитал, который не только не используется в промышленных целях, сообразно с размерами здешнего оленьего стада, но даже не охраняется от уничтожения» (*Гапанович И.И.* Значение оленеводства на Дальнем Востоке. С. 100).

Дальнего Востока имели «свои собственные формы коммунизма, лучше приспособленные к их быту».⁶³

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

В 1935 г. в Пекине на английском языке была опубликована монография И.И. Гапановича «Русская историография за пределами России: введение в российскую историю».⁶⁴ Книга была посвящена анализу россиеведческой литературы, появившейся за границей, и эволюции образа России в интеллектуальной культуре зарубежных стран. Речь в ней шла не только о работах ученых-эмигрантов, но и о трудах их иностранных коллег из Англии, Германии, Италии, США, Франции, Чехословакии. В 1946 г. книга была переведена на французский язык и опубликована в Париже.⁶⁵ Ее текст был прокомментирован и дополнен русским востоковедом Василием Петровичем Никитиным, профессором французской Высшей школы восточных языков.

И.И. Гапанович показал, что интерес к русской истории за рубежом проявился еще в конце XIX в., а Первая мировая война и революция 1917 г. лишь усилили его. Он выделил три периода в развитии россиеведения за рубежом: 1) 1881–1905 гг.; 2) 1905–1918 гг.; 3) 1918–1931 гг. Становление западного россиеведения И.И. Гапанович связывал с работами английского исследователя Дональда Маккензи-Уоллеса (Donald Mackenzie Wallace) и французских историков Анатоля Леруа-Болье (Anatole Leroy-Beaulieu) и Альфреда Рамбо (Alfred Nicolas Rambaud). В дальнейшем развитию россиеведческих знаний способствовали работы Казимира Валишевского (Kazimierz Waliszewski), Томаша Масарика (Tomáš Garrigue Masaryk), Джеймса Мейвора (James Mavor), Бернарда Пейрса (Bernard Pares) и других. Большую роль в знакомстве иностранцев с Россией сыграли и ученые-эмигранты—Борис Эммануилович Нольде, Евгений Францевич Шмурло, Дмитрий Петрович Святополк-Мирский и др., научные труды которых переводились на европейские языки и находили немало заинтересованных читателей.

Сущность первого этапа (1881–1905) определялась поисками учеными альтернативных концепций российской истории, в том числе творчеством Дональда Маккензи-Уоллеса, Анатоля Леруа-Болье, Альфреда Рамбо и Павла Николаевича Милюкова (напомним, что последний вел активную педагогическую и научно-просветительскую работу за рубе-

63 Гапанович И.И. Erich Thiel, *The Soviet Far East: A Survey of Its Physical and Economic Geography*, Methuen and Co., London, 1957, 388 pp. // Вестник Института по изучению СССР. Мюнхен, 1959. № 2 (30). С. 108.

64 I. Gapanovich, *Russian Historiography Outside Russia: An Introduction to the Study of Russian History* (Peiping, 1935).

65 J. Gapanovitch, *Historiographie russe hors de la Russie* (Paris, 1946).

жом—в Бостоне, Софии, Чикаго⁶⁶); второго (1905–1918)—как совершенствованием методики исторических исследований (Джеймса Мейвора, Казимира Валишевского, Василия Осиповича Ключевского, Павла Николаевича Милюкова, Сергея Федоровича Платонова) и третьего этапа (1918–1931)—переосмыслением и переоценкой исторического опыта России.⁶⁷ Сегодня с такой хронологией вполне можно не согласиться, впрочем, и сам автор признавал ее условный характер.

Особое место в монографии И.И. Гапановича занял критический обзор новейших течений в русской историографии, к которым он отнес марксизм и евразийство. В центре его внимания оказались работы Михаила Николаевича Покровского и Георгия Владимировича Вернадского как ярчайших представителей этих направлений.⁶⁸ В 1929 г. в Лейпциге вышло немецкое издание «Истории России с древнейших времен до наших дней» М.Н. Покровского, которое представляло переработку вышедшей ранее по-русски четырехтомной «Истории России». И.И. Гапанович представил критический обзор его концепции. Книга советского историка представлялась ему беспомощной попыткой переписать прошлое России. В том же 1929 г. в США был опубликован учебник Г.В. Вернадского по русской истории, предназначавшийся для американских студентов. Его концепцию И.И. Гапанович также признал оригинальной, но малоубедительной.

В своей работе И.И. Гапанович сумел дать общий обзор главных работ по русской истории, изданных за границей в течение пятидесяти лет. До наших дней его книга остается едва ли не единственной попыткой комплексного изучения зарубежного россиеведения. К сожалению, по-русски она так и не была издана, а пекинское и парижское издания представляют сегодня библиографическую редкость.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФЕНОМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЙ

В том же 1935 г. в Пекине была издана примечательная брошюра И.И. Гапановича «Две революции: Россия и Франция».⁶⁹ Его обращение к революционной истории, столь сильно контрастирующее с сюжетами всех прошлых научных работ, тем не менее, не выглядит удивительным. Анализ революционных потрясений в России в 1917 г. был одним из излюбленных сюжетов в эмигрантской общественной мысли. Высказать

66 См.: Бон Т. Русская историческая наука (1880–1905 гг.): Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 88–96.

67 См.: Цепилова В.И. Историческая наука Русского Зарубежья в литературе 20–80-х гг. XX столетия // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 9. Екатеринбург, 2008. С. 243.

68 Gapanovitch, *Historiographie russe hors de la Russie*, pp. 92–108.

69 I. Gapanovich, *Two Revolution Compared: Russia and France Compared* (Peiping, 1935).

свое мнение по данной проблеме стремились люди совершенно разных профессий, с разным социальным статусом и уровнем образования: от крикливого политикана и заядлого графомана до маститого профессора столичного университета.⁷⁰ Что же касается Французской революции, то русские интеллигенты были одержимы ей задолго до 1917 г. и, по словам чешского историка Ивана Савицкого, унесли эту одержимость с собой за рубеж.⁷¹ Правда внимание их сдвинулось в сторону тех, кого революция изгнала из Франции. В этом было много личного, пережитого. Как и их французские предшественники, они стало гордо именовать себя эмигрантами (*les émigrés*), словно подчеркивая свою особую миссию и жертвенный путь.

Очерк И.И. Гапановича носит скорее публицистический, нежели академический характер. Впрочем, подавляющее большинство ученых-эмигрантов в своих трудах о революции 1917 г. придерживались не столько исторического, сколько философского ее истолкования. Вероятно, это объяснялось невозможностью для многих из них проанализировать и понять глубинные истоки русской революции в категориях дореволюционной исторической науки, сравнительно мало интересовавшейся современностью, отдававшей ее на откуп публицистам и литераторам, а, главное, верившей в общественный прогресс.⁷² В революции историки-эмигранты видели в первую очередь «социологическую природу»,⁷³ поэтому исследования о событиях 1917 г. и в частности об их причинах строились на рассмотрении отношений власти и общества. И.И. Гапанович же считал, что феномен революции еще не достаточно осознан и понят в науке, что никакая идеологическая схема пока не смогла полностью объяснить ни одной революции. А поскольку не существует единой социологической или психологической модели изучения этого явления, то большую помощь может оказать компаративное изучение революций, особенно полезное при осмыслении российской ситуации.

В этой связи сравнение событий 1917 г. в России и 1789 г. во Франции было вполне закономерным. По мнению И.И. Гапановича, в основе обеих революций лежали во многом общие причины, но при этом он отдавал себе отчет о существовании и многих специфических, отличительных черт: «Российская революция не была вторым изданием французской».⁷⁴

70 Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты о причинах революции 1917 года // Социальные конфликты в истории России XX века: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 2004. С. 58.

71 Савицкий И. Прага и Зарубежная Россия. Прага, 2002. С. 3.

72 Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 324.

73 Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: очерки истории (1920–начало 1930-х годов). М., 1997. С. 119.

74 Garanovich, *Two Revolution Compared*, p. 2.

В его понимании главной особенностью Французской революции было крушение феодальной системы и возвышение буржуазии как новой политической силы. В России старый режим также был не способен решить земельную проблему; и именно она привела к крушению монархии, падению дворянства, социальному «погрому» против землевладельцев, перераспределению собственности.⁷⁵ И.И. Гапанович признавал, что кризис управления нельзя приписывать личным качествам государственных деятелей, поскольку и в России, и во Франции имелись талантливые администраторы, к примеру Анн Робер Жак Тюрго и Жак Неккер, Сергей Витте и Петр Столыпин. Но они вяло поддерживались слабыми и ревнивыми Людовиком XVI и Николаем II, их идеи часто оставались без ответа, а порой все они сталкивались с открытой оппозицией. Таким образом, И.И. Гапанович переносил весомую долю ответственности за нарастание кризиса на самих монархов. И все же он признавал, что главной причиной двух революций была острота аграрной проблемы.⁷⁶

Русская революция не закончилась после взятия власти большевиками. И.И. Гапанович полагал, что в 1928 г. наступил ее новый этап, который был сродни термидорианской реакции во Франции. Он связывал его с постепенным отказом от принципов ленинской политики и с внутренними процессами внутри партии, которая постепенно переставала быть пролетарской и революционной. По мнению И.И. Гапановича, «старые большевики» уже не играют равным счетом никакой роли, а их место заняли представители «мелкой буржуазии», которые обслуживают интересы партии, поскольку им за это платят. Но эти же люди «ведут партию к вырождению и, в конечном счете, уничтожат ее».⁷⁷ И.И. Гапанович полагал, что значительный масштаб разрушений в России, долгое и мучительное восстановление экономики не способствовали появлению новой социальной силы, новой группы, которая могла бы представлять угрозу режиму. Но и сама революция не выдвинула ярких политиков, подобно тому, как это было во Франции. Поэтому невозможно появление своего Наполеона, по сравнению с которым все российские революцио-

75 Ibid., p. 3.

76 Что касается Французской революции, то мысль о поиске ее истоков и причин в нерешенности аграрного вопроса была не нова. Еще до революции 1917 г. она была сформулирована представителями так называемой «русской исторической школы» — Николаем Ивановичем Кареевым, Максимом Максимовичем Ковалевским и Иваном Васильевичем Лучицким. Вспомним, что И.И. Гапанович, будучи студентом Петербургского университета, слушал лекции и посещал домашний семинар Н.И. Кареева (*Гапанович. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете*. С. 75). Думается, что интерес к Французской революции и методологии ее изучения он вынес именно оттуда.

77 Там же. С. 20.

неры—мелкие люди.⁷⁸ «Нынешний российский диктатор не является исключением из правил; Сталин ни в коем случае не является адекватным преемником Ленина, мнение которого относительно достоинств этого деятеля было очень низким: он предсказал, что Сталин дискредитирует и уничтожит революцию»,—заклучал И.И. Гапанович.⁷⁹

Признавая успехи СССР в годы первых «пятилеток», историк отметил наличие нерешенных проблем, которые могут стать причиной кризиса и гибели Советского государства. При этом пророчески звучали его слова о том, что если коммунистическая власть будет уничтожена, то восстановление порядка в России будет более трудным, нежели во Франции в конце XVIII в.⁸⁰

В ГОДЫ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ

В 1930-е гг. политическая обстановка в Китае становилась все более напряженной. Летом 1937 г. японские войска заняли Пекин и Тяньцзинь. Это привело к массовому оттоку на юг профессоров, в числе которых оказался и И.И. Гапанович. Университет был эвакуирован на юг Китая и размещен в городе Чанша. Однако семью ученого не успели вывезти в безопасное место. Жена профессора и его приемная дочь оказались под домашним арестом в маленькой комнатке в Пекине под наблюдением японского офицера. Военные сожгли все книги из библиотеки И.И. Гапановича. Через шесть месяцев Л.В. Гапанович сумела достать фальшивый паспорт. Вместе с дочерью она бежала в Тяньцзинь, оттуда на лодке—в Циндао, затем—в Гонконг, и, наконец,—во Французский Индокитай. Оттуда на поезде им удалось доехать до провинции Юньнань, где они после долгой разлуки и безвестности встретились с И.И. Гапановичем.⁸¹

Японское наступление на юг Китая в 1937–1938 гг. привело к переводу университета в более безопасный город Куньмин в провинции Юньнань, «глухой и изолированный угол Китая на стыке с Аннамом и Сиамом», где он и оставался в течение восьми лет.⁸² Китайские власти были вынуждены объединить на время войны университет Цинь Хуа, Нанкайский и Тяньцзиньский университеты. Был образован так называемый Национальный юго-восточный ассоциированный университет.

78 В 1960 г. И.И. Гапанович остроумно высказался на этот счет: «У нас были кандидатуры в Бонапарты, но Наполеона не явилось» (*Гапанович И.И.* Построение истории советского периода // Вестник Института по изучению СССР. Мюнхен, 1960. № 3 (35). С. 114.).

79 *Gapanovich, Two Revolution Compared*, p. 18.

80 *Ibid.*, p. 17.

81 Letter from Svetlana Dyer, 28 Nov. 2008 // Личный архив М.В. Ковалева.

82 *Гапанович И.И.* На Юге Китая в годы войны (1938–1948) // Новый журнал. 1969. Кн. 94. С. 200–212. С. 203.

Война была тяжелым испытанием. Японская авиация подвергала Куньмин постоянным бомбардировкам. В ходе одной из них дом Гапановичей был разрушен. Погибла работа профессора о древнейшем населении Дальнего Востока. Семья ученого была вынуждена переехать в близлежащую деревню, где ее глава вскоре заразился тифом и едва не умер. Другой серьезной проблемой было тяжелое материальное положение. Приемная дочь И.И. Гапановича вспоминала о невероятной инфляции: профессор ходил раз в месяц за зарплатой с огромной корзиной, которую доверху набивали обесцененными деньгами. Не раз семье приходилось питаться лишь рисом и овощами.⁸³

Но и в эти трудные годы ученый не прерывал научных занятий. В 1940 г. в Шанхае он опубликовал по-английски монографию «Методы исторического синтеза», словно отдавая дань своему учителю А.С. Лаппо-Данилевскому и его университетскому семинару.⁸⁴ Сам И.И. Гапанович признавался, что решил написать книгу, осознавая отсутствие систематических работ в этом направлении, которые обобщили бы исследовательский опыт прошлого и современные теоретические наработки. Он поставил своей задачей проанализировать принципы, лежащие в основе исторического синтеза, и возможности их применения к конкретному материалу, что, впрочем, автору удалось в меньшей степени. По мнению И.И. Гапановича, историческая наука в первой половине XX в. пережила необычайный взлет. В отличие от многих других русских ученых-эмигрантов, он сумел разглядеть появление и развитие новых методологических течений, а не цепляться всеми силами за позитивистские устои. В своей книге И.И. Гапанович не ограничился одним лишь историческим синтезом. Он вдумчиво проанализировал основные историографические течения, обрисовал актуальные теоретические проблемы, например вопрос о применимости математических методов в историческом исследовании или же перспективы исторической компаративистики. Своим читателям он продемонстрировал глубокое знание не только классических работ, но также трудов своих современников—Анри Берра (Henri Berr), Макса Вебера (Max Weber), Бенедетто Кроче (Benedetto Croce), Фридриха Майнеке (Friedrich Meinecke), Питирима Сорокина, Арнольда Тойнби (Arnold Joseph Toynbee), Люсьена Февра (Lucien Febvre), Освальда Шпенглера (Oswald Arnold Gottfried Spengler) и других. Он был уверен, что в современных условиях вообще вряд ли возможно выделить единую интерпретацию исторического процесса, а вместе с ней эксклюзивную методологию. Одной из главных тенденций современной историографии И.И. Гапанович считал переход от «наивного реализма через метафизический натурализм к критическому реализму». В его понимании, «исторический реализм и одухотворение истории являются двумя

83 Letter from Svetlana Dyer, 28 Nov. 2008 // Личный архив М.В. Ковалева.

84 I. Gapanovich, *Methods of Historical Synthesis* (Shanghai, 1940).

выдающимися чертами современной историографии». История не представляется больше как спокойное и медленное течение к благословенной цели, но как мощный процесс человеческой деятельности, полный противоречий и страданий.⁸⁵ Переживаемые самим ученым события лишь углубили и упрочили этот взгляд, о чем он прямо сказал в эпилоге: «Эта книга была написана во время одной войны, в Азии, а напечатана во время новой войны, сейчас в Европе. Произошло так много важных событий, которые поразили всех, и которые уже принадлежат истории. Но еще неизбежны более важные сдвиги в Европе, а, может быть, и во всем мире. Никто не может отрицать, что мы живем в эпоху перемен, хотя исход их еще не ясен. Где мы находимся сейчас, и куда мы пойдем дальше? Это представляет интерес для всех, и историк тоже не может стоять в стороне от этих ужасающих событий, его тревожат те же проблемы, даже в области его теоретических исследований».⁸⁶

На юге Китая И.И. Гапановичу доводилось встречаться и с советскими дипломатами. В ответ на их приглашение вернуться и получить должность профессора в Ленинграде, он отказался, сказав, «что уехал в трудное время, и возврата нет, т[ак] к[ак] он думал, что к нему будут относиться с недоверием». Своей жене он сказал, что никогда не вернется на Родину.⁸⁷

После окончания войны в 1945 г. И.И. Гапанович вернулся в Пекин. Он продолжил работу сначала в университете Цинь Хуа, а затем в Национальном Пекинском университете. Некоторое время трудился советником в старейшей китагской газете «Дагунбао» (Ta Kung Pao; 大公報).⁸⁸ После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. он начал преподавать русский язык и литературу и даже издал для китайских студентов небольшое «Пособие для изучения русского разговорного языка» (Пекин, 1953). Его приемная дочь Светлана в 1948 г. поступила в Фуцженский католический университет, где начала изучать этнологию. В 1952 г. она была приглашена на работу в Австралию и покинула Китай. Впоследствии она стала крупнейшим австралийским специалистом по этнографии Центральной Азии и Дальнего Востока, особенно по дунганской проблеме.⁸⁹

85 Ibid., p. III.

86 Ibid., p. 179.

87 Записка жены И.И. Гапановича о жизни ее мужа, б.д. Машинопись // Личный архив М.В. Ковалева; Letter from Svetlana Dyer, 28 Nov. 2008 // Там же.

88 Решетов. Иван Иванович Гапанович. С. 40.

89 См.: S. Rimsky-Korsakoff Dyer, "Soviet Dungan Nationalism: A Few Comments on Their Origin and Language," *Monumenta Serica* 33 (1977/1978), pp. 349–362; Eadem, "Soviet Dungan Weddings: Symbolism and Traditions," *Monumenta Serica* 33 (1977/1978), pp. 363–378; Eadem, *Soviet Dungan Kolkhozes in the Kirghiz SSR and the Kazakh SSR* (Canberra, 1979); Eadem, "Muslim Life in Soviet Russia: The Case of the Dungans," *Journal of Muslim Minority Affairs* 2:2 (1980), pp. 42–54; Eadem, *Grammatical Analysis of the Lao Ch'i-Ta with an*

ПЕРЕЕЗД В АВСТРАЛИЮ

В 1953 г. И.И. Гапанович вместе с женой по приглашению дочери перебрался в Австралию. Политический климат в Китае после прихода к власти коммунистов стремительно ухудшался. Началась ломка прежней университетской системы. В стране появились советские агенты. В этих обстоятельствах на русские эмигранты оказались под пристальным вниманием новых властей. Отъезд из Китая сделался для многих неизбежным.

В 1955 г. И.И. Гапановича поступил на работу на русское отделение в Канберрский университетский колледж (Canberra University College) в качестве преподавателя русского языка и литературы. В 1960 г. колледж вошел в состав Австралийского национального университета (Australian National University), в котором ученый проработал вплоть до выхода в отставку в 1964 г. Его близкими друзьями были двое видных австралийских ученых—профессора Мэннинг Кларк (Charles Manning Hope Clark), автор многотомной истории Австралии, и советолог Гарри Рикби (Harry Rigby).⁹⁰ И.И. Гапанович пользовался глубокой привязанностью и уважением со стороны австралийских коллег и студентов.⁹¹ Г. Рикби вспоминал о нем как о «чрезвычайно добросовестном преподавателе, полезном интеллектуальном собеседнике и прекрасном проводнике в русскую историю».⁹²

За годы жизни в Австралии ученый опубликовал около тридцати научных работ, посвященных советско-американским отношениям, советской историографии, русской литературе. И.И. Гапанович регулярно печатал исторические обзоры на страницах газеты «Единение», часть из которых была посвящена российско-австралийским взаимоотношениям.⁹³ В австралийский период И.И. Гапанович отдавал все силы педагогической работе. Он получил известность как талантливый преподаватель и написал учебное пособие для австралийских студентов—«Очерк древней русской литературы» (1953). Крупных историко-этнографических работ

English Translation of the Chinese Text (Canberra, 1983); Eadem, "The Soviet Dungans, the Muslims from China: Their Past, Present and Future," *Monumenta Serica* 39 (1990/1991), pp. 301–302; Eadem, *Iâsyv Shivaza: The Life and Works of a Soviet Dungan Poet* (Frankfurt/M., 1991); Eadem, "The riddles, Tongue-twisters, Doggerels, and Proverbs of the Central Asian Dungans (the Chinese Muslims)," *Monumenta Serica* 42 (1994), pp. 483–520 etc.

90 См.: S. Fitzpatrick, "T. H. Rigby Remembered," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 14:2 (2013), pp. 367–379.

91 Т. Н. Ригби, "Вечная память," *Australia and New Zealand Slavists' Association. Newsletter* (Canberra, June 1983).

92 Т. Н. Ригби, "Pioneer of Russian Studies Dies," *Australian National University Reporter* (April 1983), p. 4.

93 *Гапанович И.И. Русский ученый в Австралии // Единение. Melbourne, 22 марта 1968. № 12 (918); Он же. К открытию Австралии: ранние плаванья // Единение. Melbourne, 23 мая 1969. № 32 (938) и другие статьи.*

больше не появлялось, если не считать статьи о положении коренных сибирских народов при советской власти.⁹⁴ Зато И.И. Гапанович публиковал мемуарно-биографические статьи, которые печатались в «Новом журнале» и «Melbourne Slavonic Studies». Известно, что в 1960-х гг. И.И. Гапанович работал над книгами о географических исследованиях европейцев и о европейской экспансии в эпоху меркантилизма.⁹⁵ Обе книги готовились им к печати, но по неясной причине так и не вышли в свет. Выяснить их судьбу сейчас не представляется возможным.

И.И. Гапанович сохранял контакты со своими эмигрантскими коллегами в других странах мира, хотя сам из Австралии не выезжал. В 1950-е гг. несколько его статей и рецензий появилось на страницах издававшегося в Мюнхене «Вестника Института по изучению СССР».⁹⁶ Их тематика хорошо отражала устоявшийся круг научных пристрастий И.И. Гапановича и наглядно демонстрировала внимание к работам зарубежных коллег, в том числе и к трудам советских ученых. Положение исторической науки в СССР вообще всегда волновало его, особенно это касалось вопросов теории и практики исторических исследований. Еще в работах 1930-х гг. он обратил внимание на схоластический характер марксизма в СССР, некритическое восприятие его постулатов, избирательное, сугубо утилитарное цитирование произведений Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В рецензии на коллективную монографию об историческом материализме, вышедшую в Москве в 1954 г. под редакцией Ф.В. Константинова, профессор писал о существующем слиянии исторической методологии с политической практикой, и не без иронии задавался вопросом: «Где была теории, когда Югославия признавалась советскими вождями за враждебное и несоциалистическое государство, и какая наука вызвала полную перемену советской политики в этом вопросе?».⁹⁷ Будучи вдумчивым наблюдателем, И.И. Гапанович не мог не заметить серьезных подвижек, произошедших в годы хрущевской «оттепели». Разделяя представления

94 J. J. Gapanovich, "The Siberian Tribes, Soviet Regime and Religion," R. H. Marshall, ed., *Aspects of Religion in the Soviet Union, 1917-1967* (Chicago-London, 1971), pp. 421-431.

95 Publications by J. J. Gapanovich, б.д. // Личный архив М. В. Ковалева.

96 Гапанович И.И. Константинов Ф.В. (ред.) Исторический материализм, 2-е изд., Госиздат политической литературы, Москва, 1954, 504 стр. // Вестник Института по изучению СССР. Мюнхен, 1956. № 1 (18). С. 93-97; *Он же.* George F. Kennan, *Soviet-American Relations 1917-1920: Russia Leaves the War*, Princeton University Press, Princeton, 1956, 544 pp. // Вестник Института по изучению СССР. Мюнхен, 1957. № 3 (24). С. 110-114; *Он же.* George F. Kennan, *Soviet-American Relations 1917-1920, v. II, The Decision to Intervene*, Faber & Faber, London, 1953, XII + 513 p. // Вестник Института по изучению СССР. Мюнхен, 1959. № 2 (30). С. 103-107; *Он же.* Erich Thiel, *The Soviet Far East, A Survey of Its Physical and Economic Geography*, Methuen and Co., London, 1957, 388 pp. С. 107-110; *Он же.* Построение истории советского периода. С. 113-121.

97 Гапанович И.И. Константинов Ф.В. (ред.) Исторический материализм, 2-е изд., Госиздат политической литературы, Москва, 1954, 504 стр. С. 94.

Карла Маннгейма о смене идеологий в результате смены поколений, историк пришел к дальновидному выводу о грядущих общественных переменах в СССР. В 1960 г. он писал: «В пореволюционной эпохе можно различить три русских поколения: старые революционеры, сейчас вымершие или сошедшие со сцены; сталинские ученики, держащиеся за власть и свое положение, но принужденные считаться с новым поколением; и это поколение, молодежь, еще не высказавшее своих чаяний, но именно от того, как оно скажет свое слово, зависит будущее России».⁹⁸

После выхода на пенсию И.И. Гапанович поселился в Сиднее, но педагогической деятельности не прекращал. Он часто выступал в университетах Сиднея, Мельбурна и Канберры. Так в университете Нового Южного Уэльса он прочел специальный курс лекций о русской колониальной политике в Восточной Азии.⁹⁹ Скончался И.И. Гапанович 27 января 1983 г. в Сиднее в возрасте 92 лет.

И.И. Гапанович внес весомый вклад в изучение российского присутствия на Дальнем Востоке, этнических проблем азиатско-тихоокеанского региона и, конечно, историографии и методологии исторической науки. Следует признать, что он не раскрыл полностью своего исследовательского потенциала, что было, вероятно, обусловлено нелегкой эмигрантской долей и тяжелыми историческими потрясениями. Но можно с уверенностью сказать, что И.И. Гапанович оставил заметный след в интеллектуальной истории российской диаспоры, и сумел принести частичку российских научных традиций на почву Китая и Австралии.

98 *Гапанович*. Построение истории советского периода. С. 121.

99 *Жернаков*. Иван Иванович Гапанович. С. 5.